

ГЛАВА 1

ОКТЯБРЬ 1890 ГОДА
олд-мишн, Вашингтон

Наступило самое тёмное, самое холодное время. Ночь была тиха и спокойна, как никогда. Мама любила называть эту пору перед рассветом «часом ангелов и демонов», мол, никто другой и шагу лишнего не ступит в такое время. Не скажу, чья рука меня направляла, Бога или дьявола, но деваться было некуда и откладывать было незачем.

Я и так, кажется, целую вечность маялся на своём жалком матрасе, набитом соломой, не смыкая глаз, и ждал, пока старикан не провалится наконец в мертвецкий сон и не захрапит. Всю ночь я вынашивал план, и он грел меня изнутри, подобно тлеющим уголькам в камине, и разгонял мрак дремоты. Честно говоря, когда я крался тише мыши по грязному полу хижины к своей цели, руки у меня дрожали. Причём не только от холода, нет. Зато сердце стучало мерно, как копыта верной лошади, которая скачет домой.

Свою кожаную сумку я уже прихватил. Ещё перед тем как свернуться калачиком под одеялом, набросил её на плечо. А ботинки и не снимал. Старики был до того пьян, что даже не заметил, как я завалился на кровать в обуви.

Мне только и нужно было, что деньги. И револьвер. И не терять времени.

Банкноты лежали на полке у его кровати. Я облизнул губы и подобрался ближе, легко находя путь

в полутьме. Слабый красный свет от тлеющих углей падал на дуло револьвера, который валялся на ящике под полкой, неподалёку от старика.

Едва дыша, я вытянул левую руку. Пальцы нашупали пачку грязных зелёных бумажек, и одним быстрым движением я стянул их с полки. «Это не воровство, — мысленно сказал я себе. — Они мои по праву». Не скажу, что прозвучало убедительно. Сомнения гладили меня изнутри. Впрочем, выбора не было.

Я пригнулся и повернулся к револьверу, но в ту же минуту случайно пнул пустую бутылку из-под выпивки. Она задела соседнюю, и они со звоном покатились по полу хижины.

Старик громко всхрапнул. Убрал руку от заросшего щетиной лица и уставился на меня красными глазами, растерянный, но уже злой. Он сощурился, увидев зажатые в моём кулаке деньги, и оскалился.

— Ты чтотворишь, малец? — спросил он высоким, писклявым голосом.

Как же я ненавидел этот голос!

Меня сковал страх, и язык словно отнялся.

Старик моргнул. Наверное, ещё не отошёл от сна и выпитого и пытался сообразить, что происходит. Он хотел было сесть, но вдруг замер. Мы оба покосились на револьвер. За это короткое, напряжённое мгновение нам обоим в голову пришло одно и то же.

Мы бросились вперёд, словно змеи на добычу. Он был ближе, а я проворнее, и назад я отступил уже с револьвером, крепко зажатым в правой руке.

Старик замер.

— Ты чтотворишь? — повторил он уже с заметной тревогой.

— Вы не имели права её продавать, — ответил я.

Мне было стыдно, что голос у меня дрожит. Совсем не по-мужски. Совсем не как у моего папы.

Старик поморщился, будто лимон надкусил.

— Как же, малец. Она была моя. И надо же на что-то кормить тебя, нахлебника.

Мой голодный желудок заурчал, как бы говоря, что это враньё. Я покачал головой.

— Нет, сэр. Я своё отрабатываю, и отрабатываю сполна. И лошадь была моя. Вы получили эти деньги за неё, так что они мои. И на них я собираюсь её выкупить.

Меня так и подмывало сказать, что он бы всё равно потратил их не на еду, а на бренди «Джон Голландец», но мама меня хорошо воспитывала, так что язык я прикусил.

Старик свесил ноги с кровати. Я шагнул назад.

— Давай сюда деньги и ложись спать, — приказал он. — Всё равно тебе духу не хватит меня застрелить.

Он начал подниматься, но остановился, когда я резко взвёл курок револьвера. Раздался щелчок,

в тишине хижины прозвучавший так же громко, как звон церковного колокола в воскресенье.

— Хватит, — сказал я. — Ещё как хватит, мистер Гриссом. Никогда прежде ни в кого не стрелял, сэр, и надеюсь, что не придётся. Но я на всё готов, чтобы вернуть Сару, и если вы попытаетесь меня остановить — всажу вам пулью в голову, клянусь, что всажу.

Голос у меня до сих пор дрожал, как у испуганного мальчишки, но в нём чувствовалась сталь, и мистер Гриссом тоже это заметил. Я не шутил.

Он неуверенно сощурился.

— Твой папаша оставил мне тебя вместе с кобылой и...

— У него не было выбора. И он точно не хотел бы, чтобы я бросил Сару. — Я сглотнул, надеясь, что так оно и есть. Сложно сказать, чего на самом деле хотел бы папа.

— Но ствол-то мой! Не заберёшь же ты мой ствол? — заскулил старикан.

Я снова покачал головой.

— Нет, сэр, револьвер был папин. Он меня на-учил, как из него стрелять. Он... — Я осёкся. Ни на минуту не покидающее меня горе поднялось к горлу и сжало его удушающей хваткой. — Папа отдал бы его мне. Если надо будет во что выстрелить, у вас ещё есть ружьё.

Я спрятал деньги в сумку и попятился к двери, сколоченной из грубых досок. А потом открыл её свободной рукой, не сводя прицела с мистера Гриссома.

— Всё-то не забирай, мальчионка! У меня больше ничего нет! Я с голоду помру!

Я знал, что это неправда, но всё равно замешкался. Трудно порой разобраться, как поступить правильно. Эти деньги он выручил за продажу моей лошади, и без них мне её не выкупить. А старик наверняка спустил бы их на выпивку, а не на булочки к обеду. Я знал, что мама наблюдает за мной с небес. И папа тоже. Я хотел, чтобы они могли мной гордиться, но в этой тёмной хижине было не различить, что хорошо, а что плохо. Я стиснул зубы. «О человеке можно судить по тому, как он обращается со своими врагами», — сказал мне однажды папа.

Я сунул руку в сумку и нащупал восемь бумажек по десять долларов. Одну из них я достал и положил на ручку топора, прислонённого к двери.

— Вот, сэр. А теперь я ухожу. Больше мы с вами не увидимся.

Я уже шагнул за дверь, когда он окликнул меня своим писклявым голосом:

— Да он давно ещё уехал! Часов двенадцать назад. И верхом на лошади. Ты на своих двоих его не дого-нишь.

Я заскрипел зубами. Опустил дуло револьвера и посмотрел старику прямо в глаза.

— Догоню, сэр. И верну Сару.

Затворив за собой дверь, я пошёл по тёмной дороге не оглядываясь. Серое небо за холмами только-только начало светлеть. Час ангелов и демонов прошёл. Правда, я надеялся, что хоть один ангел остался за мной приглядывать.

Трава, камни, колеи на дороге — всё было покрыто белым одеялом изморози, и каждый шаг отдавался хрустом.

«Я иду к тебе, моя милая Сара», — повторял я про себя с твёрдым намерением найти и выкупить свою лошадь. Я не сомневался, что верну её. Любой ценой.